

ДРУЗЬЯ И УЧЕНИКИ О КОЛЛЕГЕ И УЧИТЕЛЕ

Борисов Н.С.¹

А.А. Никишенков как этнограф-полевик

Аннотация. Алексей Алексеевич Никишенков родился в городе Спасск-Дальний на Дальнем Востоке. Его детство прошло на Западной Украине, а затем в Одессе. Он учился в Одесском мореходном училище, в ходе обучения в котором он совершил кругосветное путешествие на парусной яхте, побывав в Южной Америке, Полинезии и Меланезии. После службы в рядах Советской армии он поступил в Московский университет на кафедру этнографии.

Географически сферой его интересов была Великая степь от Онона до Урала. В 1970-е – 1980-е годы А.А. Никишенков руководил кафедральными экспедициями в Бурятию, где исследовал религиозные воззрения, социо-нормативную и материальную культуру бурят. В ходе этих поездок он тратил значительное время на инструктирование студентов по вопросам этики поведения в поле: установления доверительных отношений с местным населением, избегания конфликтных ситуаций. Автор данной статьи – Николай Сергеевич Борисов – в течение нескольких лет был заместителем Алексея Алексеевича в таких поездках.

Автор указывает, что интерес А.А. Никишенкова к этнографии в общем и народной культуре в частности связан с его детством и юностью, прошедшими в различных, культурно разных регионах бывшего СССР. Он также подчеркивает, что несмотря на то, что Алексей Алексеевич Никишенков был очень хорошо знаком с бурятской культурой и знал тонкости местных обычаев, он никогда не пытался «стать местным жителем», а оставался дистанцированным от наблюдаемого населения русским этнографом.

Ключевые слова: Алексей Никишенков, биография, полевые исследования, Бурятия, соционормативная культура

УДК 929(092)

Abstract. Alexei Nikishenkov was born in Spassk Dalniy in the Far East. He spent his childhood in Western Ukraine, which was a part of the Soviet Union at the time. He studied at the Odessa Nautical School and took

¹ *Борисов Николай Сергеевич* - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

part in a round-the-world trip on board a sailing yacht, which was part of his graduation test. After several years of military service, he entered Lomonosov Moscow State University and began his academic career as an ethnographer.

His geographical area of expertise was the Great Steppe between the Onon and the Ural Rivers. From the 1970s to the 1980s, Nikishenkov conducted several field research studies in this region, where he investigated the religious beliefs of the Buriats, their socio-normative culture, historical memory and material culture. He gave very detailed explanations to students about how to behave in the field, how to prevent offending local people, and how to gain their confidence. The author of this article, Nikolai Borisov, often served as his assistant in these journeys.

The author focuses on the idea that Alexei Nikishenkov's interest in ethnography in general and vernacular culture in particular could be a result of his infancy and youth, as he had spent time as a child in very different regions of the Soviet Union. He also stresses that Nikishenkov was at same time very familiar with Buriat culture and knew many local traditions but he never "went native" and was able to keep his position as a Russian ethnographer in the field.

Key words: biography, Buriatia, field anthropology, Alexei Nikishenkov, socio-normative culture

В возрасте осени люди чувствуют потребность предаться воспоминаниям и поделиться ими с окружающими. Окружающие выслушивают ветеранов с ритуальным почтением, но с внутренним безразличием. Прошлое ушло безвозвратно. "Довлеет дневи злоба его" (Матф 6, 34). "Каждому дню хватает своей заботы". Вполне сознавая эту евангельскую парадигму, я всё же решился поделиться здесь некоторыми воспоминаниями, так как полагаю, что они представляют не только архивную, но и жизненную ценность.

Человек, память о котором собрала нас сегодня в этой аудитории – Алексей Алексеевич Никишенков.

Трудно говорить отстраненно о человеке, который еще недавно был среди нас. Мы помним его голос, его манеру поведения, его ироническую улыбку и вопросительный взгляд из-под очков. Он органически не переносил пафоса и лжи. Поэтому и говорить о нем можно только на условиях полной искренности.

Время идет, стирая из памяти случайные черты. И всё ярче проступает личность, так сказать, "на фоне эпохи".

А.А. Никишенков был не только вдумчивым ученым, но и замечательным преподавателем, умевшим ярко и увлеченно рассказывать о глубинах своей науки. Но дело не в одной науке. Подобно древним святым, он всей своей жизнью давал нравственный урок для окружающих.

Всегда немногословный и скромный, он не любил говорить о своей личной жизни. На протяжении многих лет совместной работы и дружеского общения с Алексеем Алексеевичем я всё же узнал от него о некоторых фактах его биографии. Возможно, я в чем-то ошибусь за давностью лет и буду благодарен за дополнения и уточнения.

Никишенков родился в городе Спасск-Дальний в семье военнослужащего. Его отец работал техником наземной службы на военном аэродроме. Алексей рано лишился матери. В новой семье отца он чувствовал себя неуютно. Возможно, у него было несчастливое детство, которое Хемингуэй считал лучшей начальной школой для писателя. Думаю, что если бы А.А. Никишенков не стал ученым, то стал бы писателем.

От природы любознательный, он с ранних лет много читал и размышлял над прочитанным. Книжки сделали из него романтика и мечтателя. Окончив школу, он поступил в Одесское мореходное училище. Вместе с другими курсантами он отправился в кругосветное путешествие на паруснике. Но судьба нанесла ему тяжкий удар. По состоянию здоровья – кажется, прогрессирующей близорукости – он был списан на берег. Однако эту юношескую любовь к морю он сохранил на всю жизнь. Уже будучи профессором и заведующим кафедрой, он никогда не упускал возможности поехать на две-три недели в Севастополь, в Черноморский филиал МГУ.

Непригодный для южных морей, Алексей Никишенков оказался вполне пригодным для сибирской пехоты. Армия открыла ему свои тяжелые объятия. Он проходил службу на дальнем Востоке и в группе советских войск в Монголии. За дисциплинированность и надежность его регулярно производили в унтер-офицерские звания, но за правдолюбие и гордость столь же регулярно разжаловали. Суровый быт сибирской пехоты отчеканил характер, научил его держать удар и обходиться самым необходимым. И многие годы спустя он шутиливо, но не без гордости говорил о себе: "Я старый солдат..."

Служба в Монголии открыла перед ним очарование Великой Степи. В ее бесконечности было много общего с морем. В узком прищуре степных людей мерцала какая-то древняя тайна. Черная вера шаманов была живой нитью степного быта. Эти монгольские впечатления предопределили многое в его дальнейшей жизни. Романтическая парадигма получила новое развитие.

Комиссованный из армии по болезни, А.А. Никишенков, отлежав положенное в военном госпитале, отправился в Москву с твердым намерением – поступить в Московский университет. Солдатские льготы, а главное – настойчивость и трудолюбие, открыли перед ним двери "флагмана советской высшей школы".

Природный ум и доброжелательность помогли ему органично войти в пеструю среду студентов-историков МГУ. Он не кичился своим немалым жизненным опытом, но и не испытывал никаких комплексов по поводу своего демократического происхождения.

Специализация на кафедре этнографии была закономерным следствием уже вполне определившихся интересов студента Алексея Никишенкова. Как исследователя, его влекла история и современность народов Центральной Азии, их религиозные верования и повседневная жизнь. Но при этом он знал и любил литературу и поэзию, историю и философию. Круг его интересов был необычайно широк.

Окончив исторический факультет, он остался работать на кафедре этнографии в качестве лаборанта. Эту хлопотливую работу он совмещал с аспирантурой и подготовкой кандидатской диссертации. Деловитость и ответственность Алексея Алексеевича привлекли внимание факультетского начальства. Ему поручали различные общественные должности. Он был и секретарем приемной комиссии, и начальником курса, и членом парткома и даже секретарем парткома факультета. Он с достоинством проходил все эти службы, но никогда не делал их смыслом своей жизни. Его любимым делом была наука. Он верил в неё как в религию и посвящал ей всё свободное время. Свои казенные службы он считал своего рода платой за то, что давал ему факультет. Это была игра по простым и справедливым правилам: хочешь получить что-то от факультета или университета – заработай. А.А. Никишенков не искал номенклатурной карьеры. Но были вопросы, которые он должен был решать как отец, как глава семьи. Вместе с женой и ребенком он много лет прожил в тесной коммунальной квартире, не имея мало-мальски приличных условий для работы. Помню, как он сидел допоздна со своими книгами и рукописями в факультетском этнографическом музее, который по временам заменял ему рабочий кабинет. Лишь годы спустя он сумел вырваться из коммунального тупика и получить от университета небольшую квартиру в Солнцево.

Настоящим отдохновением от московских трудов и забот были для него летние этнографические экспедиции, совмещенные со студенческой практикой. В нескольких из них – Иркутская область, Байкал, Забайкалье – мне посчастливилось принимать участие в качестве заместителя начальника экспедиции. Мы проводили этносоциологические исследования в сельской местности. При помощи анкет, содержащих несколько блоков вопросов, мы изучали межнациональные отношения и систему ценностей поселян.

Как этнограф-полевик Никишенков обладал редкой способностью располагать к себе незнакомых людей, вызывать их на откровенный разговор. От него веяло какой-то серьезностью и солидностью. Он был по-крестьянски нетороплив и обстоятелен. Он понимал психологию сельских жителей, умел говорить на их языке. Более того, он любил этих простых людей и сочувствовал их нелегкой жизни. И они платили ему своим доверием. Помню, как однажды мы пришли с ним в какую-то бурятскую избу и среди прочего стали расспрашивать хозяев о наличии в доме старинных предметов и ювелирных изделий. И уже через десять минут эти от природы осторожные и недоверчивые люди

выложили перед ним весь свой семейный набор свадебных украшений – знаменитые бурятские серебряные браслеты с кораллом.

Удивительное дело. Алексей Никишенков умел внушить уважение и доверие к себе не только людям, но даже огромным сибирским псам, которые составляли обязательный элемент каждого сельского подворья. Переходя из избы к избе со своими анкетами, мы с ужасом смотрели на этих дремавших на ступенях крыльца и не скованных никакими цепями Полканов. Но Алексей Алексеевич твердой походкой шел навстречу зверю – и Полкан почтительно пропускал его к дверям избы.

По вечерам весь личный состав нашей экспедиции – три или четыре студента и два преподавателя – собирался за общим чаепитием. Неторопливое застолье зачастую превращалось в своего рода семинар по теории и практике этнографических исследований. А.А. Никишенков был прекрасный рассказчик. Его суждения о научных проблемах отличались глубиной, а рассказы на житейские темы сверкали тонким юмором и подлинным артистизмом. Он мог часами говорить о своих любимых героях – великих путешественниках и этнографах прошлого. Но ближе всех был для него Клод Леви-Стросс с его "Печальными тропиками". Этот великий романтик науки, что называется, лег на душу А.А. Никишенкова. Он восхищался самоотверженным погружением Леви-Стросса в первобытную жизнь индейцев Амазонки, его способностью совмещать в своем раздвоенном сознании тонкого аналитика и простодушного туземца.

Замечу, что проблема перевоплощения этнографа в аборигена была постоянной темой его размышлений. Порой мне казалось, что она имеет для него не только научное, но и глубоко личное, экзистенциальное значение.

Еще одно "полевое" воспоминание. В экспедициях мы всегда имели в запасе официальное письмо на синем бланке МГУ с просьбой о содействии местных властей. Но Алексей Алексеевич Никишенков очень не любил ходить по начальству. Визит к партийному или советскому чиновнику был для него настоящей мукой. Он вообще не любил просить о помощи. Я же, напротив, с любопытством относился к таким визитам и охотно замещал его, выступая в важной роли "заместителя начальника экспедиции". Таким способом нам иногда удавалось получить транспорт или место в переполненной гостинице. Уклоняясь от общения с чиновниками, А.А. Никишенков подводил под свою уклончивость теоретическую базу. Он говорил, что этнограф должен быть незаметным для аборигенов. Только растворившись среди них, этнограф может увидеть естественные отношения внутри социума. И напротив: всякий шум, вызванный появлением ученого наблюдателя, пугает аборигенов, заставляет их затаиться.

В качестве начальника экспедиции Алексей Алексеевич нес личную ответственность за студентов. А между тем студенты нередко отличались то инфантилизмом и московским снобизмом, то безответственностью и беспомощностью в элементарных вопросах. В таких ситуациях он проявлял

железную выдержку и спокойно, не повышая голоса, ставил на место разгильдяя. Закончив воспитательную беседу, он выходил на крыльцо, закуривал свою любимую "Приму", которую он целыми блоками вез из Москвы, и, закутавшись облаком дыма, позволял себе высказаться без обиняков.

В своих отрывочных воспоминаниях я не касаюсь вопроса о научном наследии А.А. Никишенкова. Об этом лучше меня скажут его коллеги и ученики. Но вот что мне представляется необходимым сказать в заключении своего выступления. Вспоминая Алексея Алексеевича, мы не только чтим память друга и учителя. Мы принимаем от него главную традицию, которой жив Московский университет - традицию бескорыстного служения науке и просвещению.

Алексей Алексеевич Никишенков был одним из тех самообытных и даровитых русских людей, на которых стояла и – хочется верить – стоять будет Россия.